

ПОЭЗИЯ

*Наталья
Иванова*

Горел огонь, и колыхалась

ТЕНЬ

49

Дикие лебеди

Элиза здесь. Рассвет тусклей свечи.
На площади среди цветов вчерашних
Темнеет эшафот. Она молчит,
Плетя свои крапивные рубашки.

Лесная ведьма! Девятнадцать лет –
И сутки от венца до приговора.
Знавали мы и худших королев,
Но ни одна не падала так скоро.

И ни смиренный вид, ни кроткий взгляд
Не остановят рукавицы латной...
Бескровными губами шевеля,
Она ведет отсчёт петель.
Обратный.

Спасенья нет. Она и не ждала.
Толпа следит, не в силах оторваться:
Горит костёр. Звонят колокола –
И нитка вьётся в обожжённых пальцах.

* * *

«Здесь лапы у елей...» Здесь чёрные зубы гор
И белая небыль, насколько хватает глаз.
И долгий дневной переход, и в ночи костёр,
И силы, что с нами, – и силы, что против нас.

Под пальцами крошится лёд и звенит канат –
Но я за тобой: хоть на небо, хоть чёрту в пасть.
А кто не шагает вперёд, тот летит назад,
И крыл не расправить – обиднее, чем упасть.

И вот ты один...
Гаснут звёзды. Горят огни.
Назад не смотри, чей бы призрак тебя ни звал:
Бездонные пропасти тонут в густой тени –
Но солнце слепит заглянувших за перевал.

И белая небыль искрит под ногой: ступай!
А я за тобою – шаг в шаг, от беды к беде...
И, что б ни случилось, одна на двоих тропа
По-прежнему ждёт нас: неважно, когда и где.

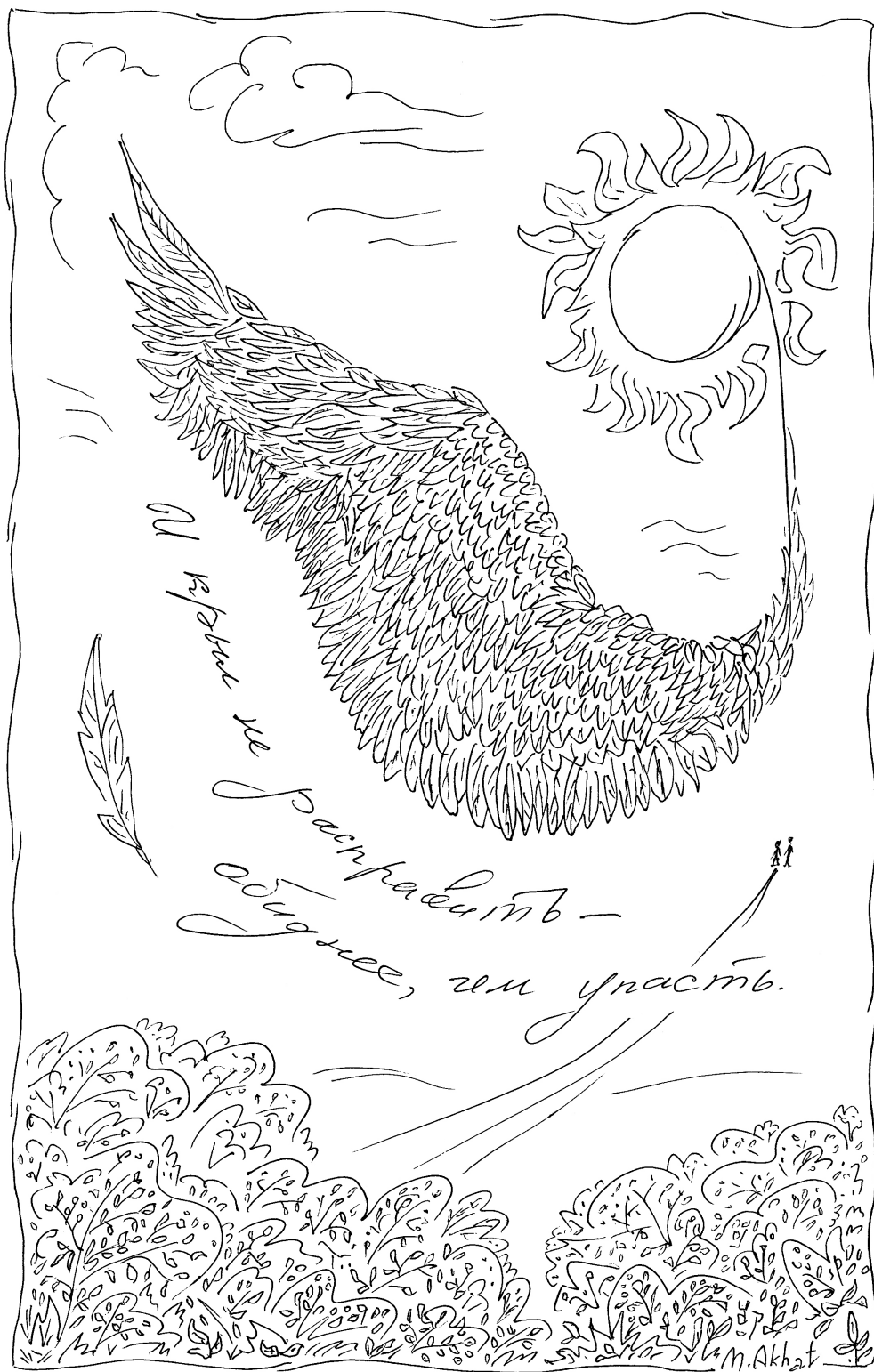
* * *

С Красной Шапочкой по лесу кто-то другой бродил:
Пёсья воля: «Здравствуй, я серый...»
Душа чужая.
Не рычит, не воет – воркует, поёт, играет.
Морда умная, звёздочка белая на груди.

И шагается в ногу, и видится в темноте.
Прежде всё было проще: скажи, кто твой враг...
А нынче...
Как добыче проведать о том, что она – добыча,
Не оставив под горлом на память ничьих когтей?

Снег ложится, луна выходит, огонь горит.
Меж ветвей зеленеют искры, клубятся тени.
Наплывает туман, звуки, запахи то ли, те ли...
Он поводит носом, ушами прядает.
И не спит.

Бди.
Ровнее дыши, слушай шорохи, жди беды:
Не сегодня-завтра, на зов обернувшись молча,
Твой ручной и цепной улыбнётся тебе по-волчьи
И соскочит с тропы и хвостом заметёт следы.

* * *

Памяти Долорес

Кончался год. Кончался бой часов.
Круг замыкался, и к заре вставали
И тени тех, кого на бой не звали,
И тени обернувшихся на зов.

И выцветала в утро синева,
А в синеве тропинкой звёздных зёрен
Вытягивался в небо караван
Из приглашённых петь в последнем хоре.

* * *

Твердь под ногой дрожит.
Выживем – будем жить.
Зверь на ловца бежит
Сквозь ледяную чащу.
Звёзды давно зашли.
Выщерблен край земли.
И огонёк вдали
Манит к себе всё слаще.

Из темноты – на свет,
Кровью пятная след;
Есть ли надежда, нет, –
Это уже неважно.
Будешь ли ты со мной,
Буду ли я с тобой,
Будем ли мы собой,
Станем ли хоть однажды?

И, декабрём дыша,
Мчится вперёд душа,
Вовсе не дорожа
Мигом, что ей отпущен:
Видишь, горит огнём
Рай, куда мы шагнём –
Порознь, но вдвоём...
Зная, что всемогущи.

Лотос

1

Лунных путей перекрестье в тупик ведёт.
Камни шуршат под ногами, вода блестит.
Кто, как не мы, в эту воду ещё войдёт,
Где, как не здесь, нашим звёздам ещё цвести.

Эхом несказанных слов отзвенят мечи.
Стрелы ли, струны ли – смолкнут, настигнув цель.
Шепчутся тени. Холодный поток молчит.
Сходятся все начала в одном конце:

Все наши чаши, осушенные до дна.
Все наши вежи, что тайно вели сюда.
Все наши клятвы – и только она одна:
В чёрной воде белеющая звезда.

2

Прах развеян, и взыскан долг. Нас уже не двое.
Оседает росой едкий запах ночных огней.
Вверх по склону – бесшумно. Обрато – по-пёсьи воя:
С каждым прожитым днём на сердце ещё темней.

Сколько раз ещё скажут живые земель окрестных:
«Потеряет дорогу любой, кто с неё сойдёт.
Не ходи, не гляди туда, это дурное место.
Ни дитя не родится, ни семя не прорастёт»...

От заброшенной пристани стелется сумрак синий.
Свет зари не согреет того, чья душа во мгле.
Лишь трепещут в безветрии пальцы могильных лилий.
А рассветные лотосы – там.
На дурной земле.

* * *

Ударом первым –
Аккорда медь:
По голым нервам –
Тугая плеть.

Вторым ударом –
Безумье глаз.
Лесным пожаром,
Ночным кошмаром
Последних фраз...

Ударом третьим –
Метанье рук.
Забытый в лете
Дыханья ветер
И сердца стук...

Смешное – сказка,
А бытие –
Чужая ласка,
Шальная пляска
На острие.

Летим на пару,
Чего нам ждать:
Считать удары,
Смотреть кошмары –
И танцевать...

* * *

Он не бросает ни пить, ни курить, хотя стоило бы по уму.
Он поёт не вслух и не песни, так что слова ему не нужны.
Не любого, кто держит в доме ружьё, приравнивают к нему:
он сам как дедовская винтовка, зачем-то снятая со стены.
Жизнь мучительно бесконечна, когда только
стукнуло двадцать семь,
и пронзительно быстротечна без четверти тридцать восемь.
Но в свои девяносто девять он до абсурда доволен всем:
только так он и отвечает любому, кто спросит.
Нет, пить не бросит.

Память дата за датой неровно ложится на нотный стан.
Что грозило, давно миновало. Кто в зеркале виделся, взял своё.
Почему же так трудно не врать себе, если истина так проста,
и откуда ждать выстрела, раз уж со стенки кто-то стащил ружьё?
Он хватает гитару, выходит на сцену и весело смотрит в зал,
точно зная, что через два часа его унесут из зала.
А пока многотысячная толпа прикипает к его глазам
и улыбке, что так ничего никому и не рассказала.

* * *

тот кто один остался
падает как убитый
и засыпая видит
во сне их двое

ало садится солнце
над раскалённой крышей
ветер ворует листья
во сне их двое

молнии бьют хвостами
ливень кусает горы
камни по склону мчатся
во сне их двое

снег обнимает землю
море целует берег
ало садится солнце
во сне их двое

тот кто один остался
не просыпаясь слепо
ищет губами губы
и не находит

* * *

Горел огонь, и колыхалась тень;
И искажали отраженье годы,
Пока я повторял, что счастье – плен,
И создавал иллюзию свободы.
Пока я пил, надеясь не уснуть,
Пока я пел, надеясь не исчезнуть,
Горел огонь и освещал мой путь:
Тропу, скалу, уступ, обрыв и бездну.
Я жил и шёл, и видел впереди
Порог судьбы и гибель на пороге,
И всё никак не мог свернуть с пути,
Но вспять мне тоже не было дороги.
Тогда, вздохнув о горестях былых,
Я всё решил: назло грядущим бедам
Вино и лютию бросил со скалы –
И факел полетел за ними следом.

